ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
№ 8(262) – 2018

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
НАШ САЙТ: denlit.ru
ЭЛЕКТРОННЫЙ АДРЕС:
denlitera@yandex.ru

русской поэзии

животное – из тех, что так изящны в воде и так беспомощны и неповоротливы на суше.

Он бросил свой велосипед, быстро подошёл к бидону, поднял и, подбежав к девушке, протянул ей вещь. Порозовевшая теперь всем лицом, не глядя парню в глаза, она быстро приняла бидон, суетливо и бессмысленно приставила его к багажнику, быстро придумала, что его можно просто повесить на руль, повесила – и вот, сказав парню "спасибо" настолько тихо, что, может быть, и не сказала на самом деле ничего, уже едет, не оборачиваясь, дальше. Её велосипед не позволяет быстро набрать скорость, и парень наблюдает, как девушка, то и дело наклоняясь грудью к рулю, изо всех сил преодолевает сопротивление педалей. Но вот она уже довольно далеко, а вот и совсем далеко – уже едет вдоль леса, той самой тропинкой, по которой недавно ехал он: два крохотных хрустальных колеса, уже, скорее, не хрустальных, а сделанных из тонкой паутины, белая точка косынки и стихающее дребезжание бьющегося о руль бидона… И так это дребезжание уместно, не тягостно, нужно, такое оно летнее, полевое, напоминающее о пасущихся коровах, о молоке, – что, стихнув окончательно, оно всё ещё продолжает звучать в голове памятью, пока кузнечики, наконец, не заштриховывают его полосками своего неумолчного стрекотания.

– Господи… – говорит парень и снова садится на береговую траву, чувствуя, как и это новое место у реки навеки становится его милой родиной, вкладывается в его сердце.

По воде побежала рябь, сделавшая реку как будто шире, величественнее и отчего-то печальнее.

Ты, земля, и вы, равнин пески…

Он не может чему-то поверить: то ли тому, что эта девушка здесь была, то ли тому, что теперь её здесь нет.

Перед этим сонмом уходящих я не в силах скрыть своей тоски…

Последние две строчки – о другом расставании, гораздо более печальном, чем расставание с девушкой, но парень чувствует, что они по-своему уместны и теперь.

Смягчилось, а потом и спряталось солнце, – кажется, надолго. Кузнечики примолкли. Рябь разгладилась. Воздух стал более нежный, как бы жалостливый к парню, готовый внимательно слушать его сердце. Над потемневшей водой бесшумно задвигались светлые мошки. Иногда одна из них ненадолго прилипает к реке и распускает на глади маленькие круги. Подрагивает в воде камыш – тоже бесшумно. Висит в воздухе блаженное, онемевшее летнее тепло.

– Как же я теперь без неё, – произносит парень в совершенную тишину. Он бросает в реку травинку, которая пронзает гладь с каким-то дождливым звуком, и падает спиной на пахучую траву. Ему теперь есть, *стало* о ком сказать: "Как же я теперь без неё". И он произносит другие слова: – Хорошая моя. Красивая. Как же я тебя люблю.

Он понимает, что это – большие, серьёзные слова; быть может, слишком большие и серьёзные, чтобы так запросто выпускать их в небо. Он ведь совсем ещё не знает жизни, он даже ни разу ещё по-настоящему не целовался. И всё же он отчётливо сознаёт, что имеет полное право на эти слова. Откуда-то ему известно, что когда они произносятся впервые, они ещё не обязаны обладать своим полным весом; их первая задача – расправить, высвободить внутри человека правильное просторное место, которому ещё предстоит наполниться живой кровью. И парень продолжает творить, устраивать в себе это место:

– Милая, – произносит он. – Светлая. Любимая.

Ему кажется, что сегодня – самый первый день его жизни, и что вся эта жизнь будет похожа на этот день. Если бы кто-нибудь сейчас сказал ему, что такого счастья, как сегодня, он уже не испытает никогда: будет искать его – и не найдёт, будет жадно ловить его отблески, отсветы, дуновения, каждый раз обманываясь надеждой снова получить целое, а при слове "счастье" будет воображать лишь этот день, больше ничего, – он, конечно, не поверил бы.

Он мысленно оглядывается в прошлое, – быть может, впервые в жизни, – и ощущает страх оттого, что он мог так и прожить до самой смерти, не испытав того, что испытывает сегодня.

Он думает: как же он жил раньше? Неужели он никогда не бывал на природе, не видел красивых девушек? Бывал, видел, отвечает он себе. Просто он воспринимал всё это, как… как маленький ребёнок воспринимает деньги. Для ребёнка деньги – это простые бумажки с рисунками. Ребёнок не понимает, что эти бумажки не просто бумажки, что в них есть какой-то другой, небумажный вес…

Сравнение с деньгами кажется ему точным. Разве что в самом сопоставлении денег и прекрасного есть какое-то несоответствие. Ведь в пренебрежительном отношении ребёнка к деньгам тоже есть что-то возвышенное, чем можно восхититься.

Парень понимает, что ему ещё только предстоит привести мир своих метафор в порядок – так, чтобы одно всегда сходилось с другим…

– Молодой человек, – долетает до него с дороги женский голос. На слове "молодой" сделано какое-то укоризненное ударение, будто голос намеревается напомнить о своих ущемлённых правах.

Парень привстаёт, оборачивается и увидел толстенькую, коротко постриженную женщину с рюкзачком за плечами. На ней джинсы в обтяжку, показывающие, что она с удовольствием принимает своё тело таким, какое оно есть. За её спиной стоит, наверное, её дочь – девочка лет пятнадцати, по-мальчишески худая, с очень миленьким, сладко красивым лицом и вьющимися распущенными волосами. На девочке голубые джинсовые шорты с бахромой и чёрная футболка с реалистичным изображением голубого единорога, который встал на дыбы в вихре звёзд. У обеих путешественниц руки на рулях одинаковых велосипедов, и смотрят они на парня одинаковыми ожидающими взглядами, как на фотоснимке.

– Молодой человек, – повторяет женщина. – У нас чепэ. Выручайте. Вот…

Она отступает на шаг, и дочь послушно выходит на передний план, а затем, после лёгкого толчка мамы, подвозит свой велосипед к парню. Парень встаёт с травы и тут же присаживается на корточки. Он видит, что с велосипедом всё в порядке, просто со звёздочки соскочила цепь.

Девочка принесла с собой запах фруктового шампуня и чистого тела. Ощутив этот запах, парень ненадолго поднимает взгляд от загорелых коленей девочки к её лицу. Девочка улыбается, – видно, что не ему и не о нём, а, наверное, просто от привычки улыбаться, оттого, что нет причин не улыбаться. В такой улыбке тоже кроется красота. И даже в том, что девочка время от времени шмыгает носом и из-за насморка её аленький рот всё время приоткрыт, – тоже кроется красота.

"Могла бы она так же ехать по полю одна, как *та*? – быстро соображает парень. – Вряд ли. Скорее всего, мама не пустила бы её. Да она бы и сама не захотела. Ей было бы скучно одной. А той не скучно. Той хорошо с полем, с рекой, с самой собой. Господи. Какая она прекрасная. Неужели я её больше не увижу? Неужели мы не поговорим, не будем вместе?".

– Доктор, не томите нас, – говорит женщина. – Скажите: пациент обречён или есть надежда?

Девочка на секунду оборачивается к маме с той же улыбкой – и с той же улыбкой поворачивается обратно к парню.

– Вскрытие покажет, – подыгрывает парень женщине, вставая с корточек, и девочка снова на секунду оборачивается к маме; ей интересно узнать мамину реакцию на слова парня. При каждом повороте головы её волосы красиво вздымаются и опадают, напоследок коротко качнувшись из стороны в сторону. Быть может, она отчасти для того и вертит головой при каждом удобном случае, чтобы непрестанно рождалась от неё эта нехитрая, но действенная красота.

Парень приподнимает заднее колесо её велосипеда, зацепляет пару звеньев за звёздочку и, крутанув рукой педаль, моментально ставит цепь на место.

– Вот, в принципе, и всё. Жить будет, – выносит он заключение, быть может, лишь для того, чтобы ещё раз увидеть движение прекрасных волос, которое незамедлительно и видит.

– Ой, ну что бы мы без вас делали! – восклицает женщина с такой преувеличенной благодарностью, что сразу не верится в её серьёзность. – Такие люди, можно сказать, на дороге валяются! А чем вы, если не секрет, занимаетесь? Ну, то есть вообще, по жизни?

– Я художник, – отвечает парень, почему-то не чувствуя в своём ответе никакой лжи.

Снова стремительный взмах девочкиных волос.

– Худо-о-ожник? – женщина вытягивает своё круглое лицо, и опять невозможно поверить, что она действительно удивлена. – И можете починить велосипед? Ну вы просто уникум! Вы кто по знаку зодиака?

– Стрелец, – отвечает парень не сразу, стыдясь немного, что знает о себе такие вещи.

– Стрелец! Так я и знала! Всё! Вы обязаны прийти к нам сегодня в гости. Правда, заяц?

Девочка снова совершает своё движение, на этот раз показавшееся парню уже немного навязчивым, и мелко кивает, как бы говоря: "Да, да, да, ты правильно поняла. Он классный".

Внезапно женщина скривляет гадливую гримасу, удивительным образом сжимая все части своего лица в такую маленькую кучку, что и не разберёшь сразу, где у неё теперь нос, где рот, а где глаза.

– Ой, ну я ведь уже умоляла тебя слёзно, кошечка моя, не шлындать носом! Что подумает художник? Что ты девочка-даун. У тебя же не написано на майке, что ты у меня свободно говоришь на английском и французском, занимаешься танцами и пишешь стихи.

Парень чувствует себя обязанным отдать дань удивления разнообразным способностям девочки. Выпятив нижнюю губу, он качает головой, как бы признавая: "Да. Ничего не скажешь – хороша".

– Да, мы такие, – приближается женщина к дочери и, запуская пятерню в волосы на её затылке, чешет её сильно, как зверька. – Умные, красивые. Только у дас дасборк и бы дебдожечко двигаеб дособ. Да, зайчон?

Теперь девочка смотрит с обворожительной, чуть наглой даже улыбкой прямо в глаза парню. Такое впечатление, что через руку матери ей передалась недостающая для этого смелость.

Мать рассказывает спокойно, мирно, именно так, как рассказывают что-нибудь, гладя маленького домашнего питомца, который гнездится на коленях:

– У нас коттедж в СНТ "Черёмуха". После церкви сразу налево и до шлагбаума. Четырнадцатый участок на первой линии. Вы не перепутаете: там кругом одни сараи, единственный приличный дом – это наш. – Она смотрит на работу своей руки в волосах дочери, сильнее увлекается этой работой и начинает мощно массировать девочке шею. – Вот только съездим в город по делам… купим то-ортик… шампа-а-анского бутылочку… Правда, рыба?.. – она уже говорит с лёгкой одышкой. – А у нас хорошо… Малина… смородина… клубника ремонтантная… прудик свой… всё очень даже… часиков в пять приезжайте… всё увидите…

Вдруг она, как бы несколько раздражившись на дочь за тот лирический гипноз, в который невольно погрузилась, гладя её и массируя, толкнула легонько девочку в шею.

– Так, всё, давай целуй художника – и поехали.

Тонкими пальцами девочка медленно убирает волосы за уши и, чуть вытянув голову вперёд, смотрит на парня с озорным стыдом.

– Давай, давай, не ломайся, – подбадривает мама. – Одной клубникой нормального мужика в дом не заманишь. Мужчине нужно другое – сама знаешь что.

Девочка протягивает к парню руки над рамой своего починенного велосипеда, берёт его ладонями под подбородок, словно собирается осторожно снять с него голову, притягивает его лицо к своему и прикасается губами к его губам. Парню начинает казаться, что она и вправду сняла с него голову.

– Так, не увлекаться, – словно приклеивает мама голову на место, и девочка медленно ("по-взрослому", подумал парень) отрывает от него свои губы и отдаляет от него лицо. Глаза её как будто пьяны. Она снова проводит пальцами за ушами, хотя с волосами её ничего плохого не успело сделаться, и парню нравится бесполезность этого её движения.

– Вот если приедет в гости, тогда оставлю вас вдвоём – будете целоваться сколько хотите. А сейчас поехали. В женщине должна быть недоговорённость.

Мать и дочь синхронно седлают велосипеды.

– По крайней мере, насморком мы его уже наградили, – балагурит напоследок мама, и, заливисто смеясь, обе женщины, большая и маленькая, трогаются с места.

Когда они набирают ход и отъезжают достаточно далеко, девочка стремительно оборачивается и смотрит на парня с победной улыбкой, будто он – смешной снеговик, которого она только что слепила. Ей, несомненно, доставляет удовольствие, что парень всё ещё стоит как вкопанный, глядя ей вслед, и она ещё раза два оборачивается, чтобы снова получить это удовольствие, – а заодно и взмахнуть лишний раз волосами.

Потеряв их фигуры из виду, парень поднимает с земли свой велосипед и медленно продолжает пеший путь вдоль реки. На губах его будто осталась вмятина от губ красивой девочки, как если бы его губы были из воска, а её – из горячего металла.

"…Будете целоваться сколько хотите"… При воспоминании об этих словах по телу его пробегает дрожь.

"Одни, без всех, – произносит он про себя совершенно безвольно, – где-нибудь в листьях, на качелях, долго, сколько хотим".

Он с опасением вглядывается в себя и проверяет, что теперь стало с *той* – милой, любимой, светлой, – и с облегчением видит, что она никуда не исчезла.

И снова в окружающем мире чувствуется присутствие ещё никем не написанных стихов. Это стихи *о ней*. О ней теперь стало гораздо легче говорить, потому что появилась *другая*, а вместе с ней и все другие, которые ещё будут.

– *В чужих объятьях забывал…* – бормочет парень, не понимая, что говорит вслух. – *Но ты… ты и тогда была со мною… Как будто на меня смотрели твои печальные глаза… Всё испытав и разуверясь… Я снова на исходе дня… ересь… вереск… надеясь… Не знаю, примешь ли меня…*

"Нет, слишком много всего, – понимает парень. – Чуть поменьше. Сегодня надо просто… прожить. Это только начало".

Он внимательно смотрит вокруг. Странное освещение настало в природе. Там, наверху, наверное, сильный ветер: облака стремительно пролетают мимо солнца, то и дело скрывая его, и по тёплому полю прокатываются их могучие тени. Кажется, что это не тени облаков, а самостоятельные облака земли.

Ивы и кустарники показывают бледную изнанку листвы, и не то с неба, не то с реки обрызгивают парня холодные капли. Сухой травяной клубок катится за ним вдогонку и, едва поравнявшись с человеком, смиренно распадается на отдельные стебли. Парень садится на велосипед и едет.

Едет он долго, неотступно следуя за прихотливыми изгибами реки и наблюдая за тем, как храм, бывший вначале далёким белым пятном, вырастает, обретает всё более подробные очертания. Парень начинает видеть протянувшееся от храма село, потом видит деревянные леса, которыми обстроена колокольня. А вон пёстрое, густо заставленное крестами кладбище. А вот деревянная хозяйственная постройка, чернеющая дверным проёмом и окружённая россыпью опилок и колотых дров.

Оказывается, храм стоит на другом берегу реки. С этого берега к нему перекинут ветхий дощатый мост. Парень идёт по мосту и останавливается над рекой. К опорам прибились водоросли, и можно очень долго смотреть на то, как их треплет течение.

Снова воцарилась тишина. Приходит сонное, самое жаркое время дня. Редкие облака двигаются по небу медленно, лениво, не пересекая солнце. Всё стало настолько горячим и ярким, что потеряло цвет и кажется обморочно-тёмным.

На прогулке. Художник Алексей Зайцев

Высокий священник в чёрном подряснике бодро выходит из храма и останавливается возле человека в тёмной, совсем не летней одежде, опершегося на черенок какого-то хозяйственного инструмента. Человек, видимо, ждал священника. Оба оживлённо жестикулируют, о чём-то спорят, как вдруг священник движением руки зовёт к себе парня. Парень вопросительно показывает пальцем себе на грудь, священник кивает – "да, ты" – и уверенно повторяет зовущее движение.

Парень подкатывает велосипед к беседующим.

Священник – черноволосый и чернобородый – осеняет парня крестом, кладёт большую тяжёлую ладонь на его голову.

– Вот тебе будет помощник, Матвейка. До всенощной стожок соберёте. Как ты, брат? Не возражаешь потрудиться во славу Божию? – обращается он к парню, только сейчас убрав руку с его головы.

Парень медленно пожимает плечами.

– Или есть дела поважнее? – без осуждения спрашивает священник.

– Да в принципе, нет.

– Ну и спаси тебя Христос. Сейчас Матвейка тебя снабдит инструментом – и за дело. С Богом, ребята.

Он уже направляется к хозблоку, по дороге снимая с себя подрясник и становясь крепким широкоплечим мужчиной с красивой узкой талией, в майке, заправленной в коричневые шерстяные брюки, в ременные петли которых почему-то продета верёвка. Парень остаётся наедине с Матвейкой.

Матвейка – человек неопределённого возраста с изувеченным лицом. Одну его глазницу, в которой то ли есть, то ли нет глаза, целиком закрывает набухшая оттянутая бровь. Нос как будто вбит в лицо двумя ударами топора и выдаётся на конце одной-единственной, да и то набок скошенной, кнопкой. Нижняя губа тоже скошена, причём в противоположную от кнопки сторону, и налезает на верхнюю, выворачиваясь глянцевой розовой изнанкой. Кожа у Матвейки коричневая, как подгнившая груша, и в складках её местами что-то белеет. Только волосы у него на удивление здоровые, густые, разве что серые от седины и растрёпанные, как перья старой птицы.

Он всё ещё опирается на грабли и еле заметно мотает головой, глядя на то, как священник копается в темноте хозблока с бензопилой. Единственный его видимый глаз напоминает одинокое крохотное оконце в стене уродливой башни, по скупому свету которого только и можно судить, что внутри этой башни ещё теплится какая-то жизнь.

– Да-а… лихо-ой поп Андрюшка, – шамкает он слова с бульканьем на многих звуках, сплёвывает в сторону паперти и, опершись на грабли сильнее, по-деловому ставит ногу на ногу. – Хочет всё – и сразу.

– Там сказали про какой-то инструмент, – тихо напоминает парень, почему-то боясь огорчить священника затянувшимся бездействием.

– Да погоди ты, не убежит, – Матвейка напряжённо сплёвывает ещё раз, не переставая наблюдать своим глазком-окошком за действиями священника. Он медленно закрывает и открывает этот глазок, и тогда парень замечает на его верхнем веке полустёртую татуировку, неизвестно что изображающую.

Наконец, священник отвлекается от починки бензопилы и с удивлением обнаруживает, что его рабочие не сдвинулись с места.

– Вы чего? – спрашивает он без злобы, распрямляясь в дверном проёме.

– Как же я ему грабли дам, батюшка, если вы их сами после службы Серафиме отдали?

Когда Матвейка пытается говорить громко, его бульканье заметно усиливается и почти бесследно растворяет в себе слова. Но отец Андрей понимает его мысль.

– Серафима… Серафима… Милая моя… – приговаривает он задумчиво, то хватая, то отпуская свою угольную бороду. – Забрала ты, бабушка, грабли у меня…

Посреди размышления он одаривает Матвейку коротким проницательным взглядом, как бы удивляясь уважительно его таланту оттягивать начало работы так, что не придерёшься. Но и парню, и Матвейке ясно, что без работы они не останутся, что священник найдёт выход из положения.

– Хорошо…

Он скрывается в хозблоке, чем-то довольно долго там гремит и наконец выходит на улицу с новенькими граблями в руке. Грабли эти – необычные, крашенные, сделанные в виде веера из тонких полосок стали.

– Вот. Матушкины. Прошу не ломать – ибо убьёт. Причём не вас, а меня.

Новые грабли вручаются Матвейке, а Матвейкины переходят к парню. Почесав голову и не найдя, что ещё сказать, батюшка возвращается к бензопиле. Матвейка, не говоря парню ни слова, отправляется к месту работы. Парень оставляет велосипед и идёт за ним.

Они идут сквозь кладбище. Матвейка спокойно продолжает сплёвывать по сторонам, иногда попадая на чью-нибудь могилу. Парень начинает думать, что только безысходность, только животная жажда выжить могли прибить этого человека к храму.

Парень оборачивается к храму: здание видится ему таким же угрюмым и тесным, как жизнь Матвейки. "Плен", – вспоминает парень, однако продолжает покорно следовать за сутулой Матвейкиной спиной.

Кончается кладбище, за которым – поле. Одно от другого отделяют растущие в ряд ивы, высокие, посаженные, видимо, очень давно. Под одну из них Матвейка тут же садится, положив грабли на кучку кладбищенского мусора. По хорошо примятой траве видно, что место это насиженное. Матвейка долго рассматривает свой инструмент, а затем изрекает со своим бульканьем:

– Это разве грабли? Спиночёска какая-то.

Парень улыбается.

– Есть чё покурить? – забывает о граблях Матвейка.

– Не курю, – разводит руками парень.

Матвейка достаёт из внутреннего кармана рабочей куртки мятую пачку и достаёт из неё последнюю сигарету. Кидает скомканную пачку в поле, закуривает.

– В такую жару разве можно работать? – спрашивает он кого-то и, выпустив дым разом из кривого носа и кривого рта, сам отвечает: – Если только на зоне.

Заводится за кладбищем бензопила и начинает нудно реветь. Матвейка затягивается часто, чтобы как можно меньше дыма ушло в воздух, миновав его лёгкие.

– Я б такой, чтобы дёрнуть отсюда.

– Куда? – спрашивает парень.

– Куда… – передразнивает Матвейка. Сигарета уже выкурена, он отвратительно выдавливает на уголёк слюну и кидает окурок туда же, куда кинул пачку. – Есть места…

– А что удерживает?

Парень думает, что Матвейка передразнит и этот его вопрос, но Матвейка не так предсказуем.

– Кормёжка удерживает, койка удерживает, – отвечает он обстоятельно и серьёзно, видимо высказывая парню то, что высказывает сам себе по многу раз на дню. – И лавэ на билет Андрюшка обещал.

Вдруг Матвейка воровато оглядывается по сторонам, похожий на маленького хищного зверя, в каждом движении которого сказываются одновременно две заботы – поймать добычу и самому ею не стать. Убедившись, что всё тихо, он запускает руку в кладбищенский мусор и извлекает оттуда полуторалитровую пластиковую бутылку, заполненную на треть чем-то прозрачным и бесцветным, как вода. Встряхивает жидкость, отвинчивает крышку и делает глоток. После глотка надувает щёки, отчего кривая нижняя губа выворачивается ещё сильнее. В завершение уютно причмокивает.

– На, – предлагает он бутылку парню, не протягивая руку слишком далеко; видимо, одолжение и без того не по чести большое.

Отчего-то парень чувствует, что отказ невозможен, и, нагнувшись к Матвейке, принимает бутылку. Он боится оскорбить этого человека, протерев горлышко бутылки майкой, и, чтобы победить брезгливое чувство, бездумно, не разбирая вкуса, делает несколько больших глотков.

– Э, э… – останавливает его Матвейка.

Парень отрывается от бутылки и лишь теперь понимает, что он только что впервые в жизни выпил крепкого, горючего алкоголя. Он чувствует во рту обильный приток слюны, сдерживает рвотный спазм, а затем с моментальным облегчением ощущает, что тело приняло напиток. Жара, царящая в природе, теперь воцарилась и внутри. Глаза парня, которые как-то сразу расслабились и затуманились, ищут прохлады и находят её рядом с Матвейкой, с самого начала мудро избравшим место под деревом.

Парень хочет подсесть к нему, хочет, быть может, даже пооткровенничать с ним, положить ему руку на плечо, доказав, что ничуть не брезгует им, но, как ни странно, именно в этот момент Матвейка поднимается, чтобы приняться за работу.

– Надо побатрачить, – говорит он, презрительно потряхивая своей "спиночёской". – А то без курева тоскливо совсем.

Он удаляется в поле и сразу, будто не начал, а продолжил давно начатое дело, принимается за работу. Трудится он не очень складно, не так, что залюбуешься, и всё же движения его полны уверенности. Видно, что жизнь приучила его браться без раздумий за самые разные виды работ, хоть ни в одном из них, наверное, не позволила ему по-настоящему преуспеть.

Чтоб не мешать Матвейке, парень удаляется в дальний от него угол участка и тоже начинает возить граблями по полю. По примеру Матвейки он собирает траву в кучки, кучки сгребает в охапки, а охапки сносит в середину участка, пополняя таким образом стог.

Вскоре хороший трудовой пот покрывает его тело, как смазка, необходимая для полноценной работы механизма, и парень трудится с блаженным отсутствием мыслей, не задумываясь о том, что делает, но делая всё правильно. С каким-то замороженным интересом он слушает своё дыхание, то попадающее в такт его движениям, то выпадающее из такта. Погружаясь в работу ещё безоглядднее, он замечает, что при выдохе слегка округляет губы, тем самым достигая глухого, не до конца прорезанного свиста, при помощи которого исполняет себе какую-то глупую, случайно привязавшуюся мелодию.

Он мимоходом оглядывается на Матвейку и не может сдержать улыбку, видя, как тот со смешной яростью обрушивает свою "спиночёску" на поле и, видимо, подыскивает про себя новые язвительные имена для этого инструмента. Через несколько минут, оглянувшись на Матвейку ещё раз, парень видит его неподвижно стоящим в поле. Руки Матвейки осторожно сложены на верхушке черенка – хорошенько опереться на грабли ему не даёт предупреждение отца Андрея.

Неожиданно парень чувствует к Матвейке то же самое, что он чувствовал к тем местам у реки, где ему сегодня приходилось останавливаться: этот человек уже не чужой ему и никогда не будет чужим, он навсегда отпечатался в его сердце и тоже стал его милой родиной. Парень снова ощущает рядом присутствие стихов – каких-то новых, не о любви, не о лесе, а, наверное, просто о человеке, – но он уже не пытается услышать слова этих стихов. Ему достаточно знать, что стихи есть, что они снова рядом...

...***Н***еожиданно возникает из недр кладбища отец Андрей. Брюки у него жёлтые от опилок, в руках – два белых пластиковых стаканчика с чем-то тёмным внутри.

– Сдюжили? Вот молодцы! Спаси Христос! – благодарит он работников и вручает каждому по стаканчику. – Витамины за труд.

Парень смотрит в стаканчик – там черника, крупная, как бы покрытая инеем.

– Изжога у меня от неё, – капризно объясняет Матвейка, будто уже не в первый раз.

– Изжога у тебя от другого, – говорит священник. – Ешь.

Он ухватывает из Матвейкиного стаканчика щепотку ягод и, задрав голову, закидывает их разом в свой белозубый красивый рот.

– Черники в этом году… – сообщает он, жуя. – Стрекоза Андревна – целый жбан за полтора часа набрала. И ещё поехала…

Чему-то вздохнув, он направляется в сторону храма и договаривает, уже как бы себе самому:

– Прогульщица. Опять одним старухам всенощную петь…

Парень забрасывает чернику по одной ягодке в рот, смотрит священнику вслед и как будто продолжает слышать его голос. Этот голос хочется слышать ещё. Так приятно, что священник говорил с парнем и Матвейкой, как с близкими, важными людьми. Эта его неуместная доверительность, то ли женская, то ли детская, никак не сходится с его мужественным обликом. Парню нравится отец Андрей.

...Он поднимает голову, смотрит на храм и испытывает одновременно два непохожих ощущения. Одно – что перед ним довольно жалкое здание: штукатурка, облупившаяся местами до кирпича, леса, похожие на аппарат Елизарова (он видел такой аппарат на ноге у одного человека в больнице). А другое – что перед ним инопланетный космический корабль, в котором всё, что кажется созданным просто так, для красоты, на самом деле имеет какое-то гораздо более важное, таинственное назначение.

Газетный вариант, полностью – на сайте